

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смыхных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

ОЙГЕН ХИЛЛЬ

3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках

1. Предисловие¹

Предмет предлагаемой читателю работы – упомянутый в заглавии фрагмент славянской системы спряжения. Славянские формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего времени заслуживают рассмотрения по следующим двум причинам. Во-первых, по причине отсутствия праславянской реконструкции, которая бы удовлетворительно объясняла факты всех славянских языков. Во-вторых, по причине серьезных трудностей с историческим объяснением отчасти даже тех форм, которые могут быть с уверенностью отнесены к праславянскому времени. Парадоксальным образом в славянских языках присутствуют также и такие формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего времени, историческое объяснение которых путем идентификации прямых соответствий в языках, родственных славянским, не вызывает затруднений.

Статья начинается с краткого введения в суть проблемы. Сравнение системы словоизменения славянских языков с языками отдаленно родственными – например, с древнеиндийским – отчетливо показывает, насколько неожиданным и, соответственно, исторически непонятным является привычное нам сосуществование сразу трех разных вариантов 3-го лица ед. и мн. ч. презенса в старославянском и древнерусском. Это сравнение предпринимается во 2-м разделе статьи, который следует непосредственно за общим предисловием. Раздел 3-й посвящен прояснению ситуации внутри самих славянских языков. В нем показывается, что вариативность, характерная для 3-го лица ед. и мн. ч. презенса в старославянском и древнерусском, частично или полностью представлена и в других славянских языках и, следовательно, должна была быть унаследована ими из праславянского. В 4-м разделе статья кратко знакомит с теориями, пытающимися найти историческое объяснение этому положению дел, и идентифицирует два наблюдения над

¹ Автор благодарен за консультации и конструктивную критику Натали Коробцов, Мареку Майеру, Сергею Николаеву, Флориану Вандлю и Симону Фризу. За все возможные ошибки и неточности отвечает только автор.

славянской грамматикой, которые, по мнению автора, могут указать путь к правильному решению проблемы. Эти наблюдения – касающиеся славянских рефлексов праиндоевропейских частиц с локальной семантикой и 3-го лица ед. ч. славянского аориста – предмет детального рассмотрения в 5-м разделе. Достигнутые результаты позволяют перейти к построению новой теории славянского 3-го лица ед. и мн. ч. презенса, которая развивается в разделах с 6-го по 8-й. Последний, 9-й раздел статьи коротко суммирует сказанное.

2. Введение в проблему

Письменная фиксация славянских языков начинается, как известно, относительно поздно. Наиболее древними письменными памятниками на славянском языке являются старославянские тексты второй пол. IX – X вв. Лишь немногим младше старословенский текст так называемых Фрейзингских отрывков, написанных в позднем X или раннем XI вв. Оба славянских языка, отраженные в этих памятниках, принадлежат к южнославянской группе. Древнейшие известные нам восточнославянские памятники – древнерусские тексты конца X – начала XI вв. Связные тексты на западнославянских чешском и польском языках восходят к XIII в.

Несмотря на относительно позднее начало письменной фиксации, древнейшие славянские языки сохранили глубоко архаичную словоизменительную систему. В общем и целом система склонения и спряжения, представленная в славянских языках, соответствует флексийным системам таких индоевропейских языков II–I тысячелетий до н. э., как ранний древнеиндийский, гомеровский древнегреческий или хеттский. Это соответствие между словоизменительными системами древнейших славянских памятников, с одной стороны, и их древнеиндийскими, древнегреческими и хеттскими аналогами – с другой, распространяется как на набор морфологических категорий (падежей, чисел, наклонений и т. д.), так и на большую часть морфологических маркеров (ступеней аблаута, основообразующих аффиксов и флексийных окончаний). Независимо установленные фонетические соответствия между языками – как, например, ст.-слав. *ъ* = др.-инд. *u*, ср. *snъxa* = *snuṣā* ‘сноха’ и т. д. – нередко позволяют выявить точное соответствие друг другу целых фрагментов старославянской и древнеиндийской систем словоизменения. Точные соответствия такого рода позволяют, в свою очередь, надежно реконструировать часть словоизменительной системы общего предка сравниваемых языков,

т. е. праиндоевропейского языка-основы. Ср., к примеру, образование части падежных форм у *и*-основ типа ст.-слав. **сынъ**, др.-инд. *sūnús* ‘сын’ (табл. 1).

Таблица 1

	ст.-слав.	=	др.-инд.	~	и.-е.
им. п. ед. ч.	сынъ	=	<i>sūnús</i>	~	*- <i>u-s</i>
род.-отл. п. ед. ч.	сыноу	=	<i>sūnós</i>	~	*- <i>e<u>u</u>-s</i>
дат. п. ед. ч.	сынови	=	<i>sūnāve</i>	~	*- <i>e<u>u</u>-e<u>i</u></i>
вин. п. ед. ч.	сынъ	=	<i>sūnīm</i>	~	*- <i>u-m</i>
им.-вин. п. дв. ч.	сыны	=	<i>sūnī́</i>	~	*- <i>u-h₁</i>
им. п. мн. ч.	сынове	=	<i>sūnāvas</i>	~	*- <i>e<u>u</u>-es</i>
вин. п. мн. ч.	сыны	=	<i>sūnī́n</i>	~	*- <i>ū-ns</i>

Те же наблюдения можно сделать относительно старославянского спряжения. Особенно показательно, к примеру, спряжение старославянских тематических аористов (табл. 2), которые – как известно – соответствуют древнеиндийским тематическим инъюнктивам, т. е. безаугментным формам имперфекта и аориста.

Таблица 2

2 л. ед. ч.	иде	=	<i>bháras</i>	~	*- <i>e-s</i>
3 л. ед. ч.	иде	=	<i>bhárat</i>	~	*- <i>e-t</i>
2 л. мн. ч.	идете	=	<i>bhárata</i>	~	*- <i>e-te</i>
3 л. мн. ч.	идж	=	<i>bháran</i>	~	*- <i>o-nt</i>

На фоне этих и подобных им точных соответствий тем более бросается в глаза тот факт, что формы 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени, засвидетельствованные древнейшими славянскими памятниками IX–XI вв., лишь частично соответствуют древнеиндийским. Это неожиданное явление наблюдается равным образом во всех классах спряжения славянского глагола, т. е. в спряжении основ атематических, во всех типах тематических основ (в *e-*, *je-* и *ne-* основах), а также в так называемых «полутематических» *i*-основах. Как показано в табл. 3 на примере глаголов **выти** ‘быть’ (атематический презент) и **врати** ‘брать’ (тематический презент), в старославянских и древнерусских памятниках засвидетельствовано сразу три различных способа образования

3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени одного и того же глагола (см., к примеру, van Wijk 1931: 212–215).

Таблица 3

	ст.-слав.		др.-рус.			др.-инд.		и.-е.
1 л. ед. ч. н. вр.	ѣсмь		ѣсмь		=	<i>ásmi</i>	~	*-mi
3 л. ед. ч. н. вр.	ѣстъ	ѣ	ѣстъ	ѣ	≠	<i>ásti</i>	~	*-ti
3 л. мн. ч. н. вр.	сѣтъ	сѣ	соутъ	соу	≠	<i>sánti</i>	~	*-onti
3 л. ед. ч. н. вр.	вѣрѣтъ	вѣре	вѣрѣтъ	вѣре	≠	<i>bhárati</i>	~	*-e-ti
3 л. мн. ч. н. вр.	вѣрѣтъ	вѣрѣ	вѣроутъ	вѣроу	≠	<i>bháranti</i>	~	*-o-nti

Один из трех славянских вариантов точно отвечает тому, что следует ожидать исходя из древнеиндийских данных. 1 л. ед. ч. ст.-слав., др.-рус. *ѣс-мь* = др.-инд. *ás-mi* показывает, что древнеиндийским формам 3 л. ед. ч. презенса *ás-ti*, *bhára-ti* и т. д. в старославянском и древнерусском должны соответствовать формы на *-тъ*. То же самое касается 3 л. мн. ч. презенса др.-инд. *s-ánti*, *bhára-nti* и т. д. Другие индоевропейские языки с ранним началом письменной фиксации – как, например, хеттский и отчасти древнегреческий – подтверждают основанную на сравнении др.-инд. *-ti*, *-anti* = др.-рус. *-тъ*, *-оутъ* реконструкцию и.-е. **-ti* в 3 л. обоих чисел.

Тем не менее, формы на *-тъ* в 3 л. презенса надежно засвидетельствованы только в древнерусском, а в старославянских памятниках почти не встречаются (van Wijk 1931: 212–215)². В старославянском 3 л.

² В орфографически надежном глаголическом Зографском Евангелии формы 3 л. наст. вр. на *-тъ* практически отсутствуют: по одному разу встречаются *вждѣтъ* и *просѣтъ*, в то время как *вждѣтъ* засвидетельствовано более 50 раз. В Ассеманиевом Евангелии, также написанном глаголицей, мы находим 26 *ѣстъ*, 5 *нѣстъ*, 3 *вждѣтъ*, но более 50 раз *ѣстъ*, причем более 50 раз встречается <азъ> вместо правильного азъ (45 раз). Наконец, в третьем большом глаголическом памятнике, Мариинском Евангелии, мы встречаем 3 *ѣстъ* и по одному разу *нѣстъ*, *сѣтъ*, *придѣтъ* и *просѣтъ*, причем варианты *ѣстъ*, *нѣстъ*, *сѣтъ* и *придѣтъ* засвидетельствованы более 50 раз каждый. Правда, этот последний памятник обнаруживает склонность к <-ъ> вместо -ь (например, 2 <пѣтъ>, 3 <вьсъ> при 17 *пѣтъ*, 8 *вьсъ* 'ganz', см. van Wijk 1931: 114). Сходная картина – sporadически *-тъ* при гораздо более частом *-тъ* – наблюдается и в кириллических старославянских памятниках. Так, например, в Супрасльской рукописи отмечено 2 *ѣстъ*, 1 *вждѣтъ* и 1 *хоуѣтъ* при 2 *ѣстъ* и более 50 *нѣстъ*, более 50 *вждѣтъ* и 25 *хоуѣтъ*. Эти факты говорят о том, что в канонических старославянских текстах редкое окончание <-тъ> в 3 л. наст. вр. глаголов могло быть графическим вариантом окончания *-тъ*.

презенса обычно оканчивается на -тъ (ст.-слав. ѣстъ, вѣрътъ). Третий из вариантов, окончание -∅ (ст.-слав., др.-рус. ю, вѣрѣ), встречается как в древнерусском, так и в старославянском. Если др.-рус. -тъ прямо унаследовано из праиндоевропейского, что представляется очень вероятным, то как объяснить оставшиеся два варианта окончания?

3. Датировка явления

Чтобы исследовать этот вопрос, сначала необходимо установить, к какому времени восходит вариативность образования 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени. Данные других славянских языков говорят о том, что все три варианта окончания – то есть потенциально унаследованное из праиндоевропейского окончание др.-рус. -тъ, окончание -тъ старославянских текстов и засвидетельствованное в обоих языках окончание -∅ – сосуществовали уже в праславянские времена (Stang 1942: 215–218; Arumaa 1985: 273–277; Miller 1988a; 1988b; Olander 2015: 324, 360; Жолобов 2016a: 17–19).

В старословенских Фрейзингских отрывках (поздний X – нач. XI в.) 3 л. ед. и мн. ч. презенса оканчивается частью на -t, частью на -∅ (Kortlandt 2009: 157). Это касается в первую очередь атематического презенса глагола ‘быть’, см. *табл. 4a*. В спряжении этого глагола неоднократно отмечены как -t (трижды 3 л. ед. ч. *jest* и один раз мн. ч. *sōt*), так и -∅ (дважды 3 л. ед. ч. *je*). Какому окончанию – др.-рус. -тъ или ст.-слав. -тъ – соответствует ст.-слов. -t в *jest* и *sōt*, выяснить невозможно. Праславянские редуцированные гласные, соответствующие ст.-слав., др.-рус. -ь и -ъ, в языке старословенских Фрейзингских отрывков на конце слова уже утрачены, см. *табл. 4b*. Из «полутематических» презенсов отмечены две формы 3 л. ед. ч. *do=stoji* ‘надлежит’ и *v=sedli* ‘вселяет’, обе с окончанием -∅, см. *табл. 4c*. Тематические глаголы в 3 л. ед. или мн. ч. настоящего времени во Фрейзингских отрывках отсутствуют.

В южнославянских языках более позднего времени такое же чередование четко прослеживается у глагола ‘быть’: сербскохорв. шток. 3 л. ед. ч. *jěst* ~ энкл. 3 л. ед. ч. =*je*, 3 л. мн. ч. =*su*, чак. 3 л. ед. ч. *jé*, 3 л. мн. ч. *sú*, болг. 3 л. ед. ч. =*e*, 3 л. мн. ч. =*ca* (Stang 1957: 127). Что касается всех остальных атематических, всех тематических и «полутематических» презенсов, то тут южнославянские диалекты образуют два контрастирующих ареала (см. *табл. 5*, подробнее Miller 1988b: 9–10, Kortlandt 2009: 157–158). Болгарско-македонский диалектный

Таблица 4

		ст.-слов.			
a	3 л. ед. ч.	<i>jest</i>	<iest>, <iezt>, <gest>	=	ст.-слав. ѣстѣ, др.-рус. ѣсть
		<i>je</i>	<ie>, <ge>	=	ст.-слав., др.-рус. ъ
	3 л. мн. ч.	<i>sōt</i>	<sunt>	=	ст.-слав. сѣтъ, др.-рус. соуть
b	им.-вин. п. ед. ч.	<i>milost</i>	<milozt>	=	ст.-слав., др.-рус. милость
		<i>život</i>	<sivuoŭt>	=	ст.-слав., др.-рус. животѣ
c	3 л. ед. ч.	<i>do=stoji</i>	<dozstoi>	=	ст.-слав., др.-рус. до=стои
		<i>v=sedli</i>	<vzedli>	=	ст.-слав., др.-рус. вѣ=сѣли

ареал сохраняет окончания *-t* и *-∅*, которые могут быть по-разному распределены в системе. В сербскохорватском и словенском языках в обоих числах засвидетельствовано только окончание *-∅*. См табл. 5, в которой в качестве примера приведены литературный болгарский и штокавский диалект сербскохорватского. Болгарские формы 3 л. мн. ч. *бѣда-т*, *мѣча-т* и т. д. противоречат распространенному предположению о чисто фонетическом отпадении конечного дентального (то есть соответствия ст.-слав. *-тъ* или др.-рус. *-ть*) в современных южнославянских языках.

Таблица 5

	ст.-слав.	др.-рус.		болг.		шток.
3 л. ед. ч.	БЖДЕ-∅, -ТЬ	БОУДЕ-∅, -ТЬ	~	бѣде-∅	~	bùdē-∅
	МЖЧИ-∅, -ТЬ	МОУЧИ-∅, -ТЬ		мѣчи-∅		müčī-∅
3 л. мн. ч.	БЖДА-∅, -ТЬ	БОУДОУ-∅, -ТЬ		бѣда-т		bùdū-∅
	МЖЧА-∅, -ТЬ	МОУЧА-∅, -ТЬ		мѣча-т		müčē-∅

В древнейших восточнославянских (древнерусских) текстах окончания *-тъ* и *-∅* отмечены начиная с самых ранних памятников середины XI в. (см. подробно Обнорский 1953: 131–133; Борковский, Кузнецов

1965: 312–314; Филин 1972: 444–449; Зализняк 2004: 137–139; Жолобов 2016a; 2016b). Оба окончания встречаются равным образом у атематических (есть, соуть ~ ю, соу), тематических (идеть, идоуть ~ иде, идоу) и «полутематических» (просить, просать ~ мьлви, проса) глаголов.

Оба окончания сохранились в современных восточнославянских языках. Др.-рус. окончание *-ть* продолжает существовать в виде *-ть*, то есть [-tʰ], в большинстве южнорусских, некоторых среднерусских и, во множественном числе, также и в некоторых севернорусских говорах (см. Аванесов, Бромлей и др. 1965: 162–163). В большинстве украинских, а также в юго-западных белорусских говорах все глаголы содержат в 3 л. мн. ч. презенса укр. *-ть*, белор. *-ць*, которые также восходят к др.-рус. *-ть*; на юго-западе украинского и северо-востоке белорусского ареалов окончание укр. *-ть*, белор. *-ць* представлено также и в 3 л. ед. ч. тематических, в большинстве говоров также в 3 л. ед. ч. «полутематических» презенсов (см. Vaillant 1966: 21; Филин 1972: 440–442; Miller 1988a; Miller 1988b: 10–12, 25–29)³.

Окончание *-Ø* распространено в восточных южнорусских и части западных среднерусских говоров (Обнорский 1953: 122–129; Аванесов, Бромлей и др. 1965: 161–162; Филин 1972: 438–440; Бромлей, Булатова 1972: 243–246; Рыко 2000: 114–115; Bjørnflaten 2003). Это окончание преобладает также в 3 л. ед. ч. презенса тематических глаголов в украинском и юго-западных диалектах белорусского языка (см. Vaillant 1966: 21; Филин 1972: 440–442; Miller 1988a, 1988b: 10–12).

Наряду с *-ть* и *-Ø* в древнерусских текстах начиная с XIII в. засвидетельствовано окончание *-тъ* (3 л. ед. ч. *придетъ*, *гоститъ*, 3 л. мн. ч. *виютъ* и т. д.)⁴. Это окончание несомненно соответствует *-т* большинства современных севернорусских и северных среднерусских говоров (Аванесов, Бромлей и др. 1965: 162–163; Бромлей, Булатова 1972: 246).

³ Тем не менее формы 3 л. ед. ч. на *-е-ть* в украинских диалектах не могут быть прямым продолжением др.-рус. *идеть* и т. д. (см. подробно Shevelov 1979: 302–305). Такие украинские формы – продукт инновации на основе 2 л. ед. ч. на *-е-ш* < др.-рус. *-ѣ-ши*. Моделью для морфологической аналогии послужили, вероятно, глаголы с «полутематическим» презенсом, т. е. 2 л. ед. ч. *-и-ш* ~ 3 л. ед. ч. *-и-ть*. Как показывают источники, новые формы 3 л. ед. ч. на *-е-ть* вытеснили регулярные рефлексy др.-рус. *идеть* > ст.-укр. *идьть* не позднее XIV в.

⁴ Более ранние примеры на окончание *-тъ* (с XI в.) не могут считаться безусловно восточнославянскими, поскольку найдены в текстах с сильным влиянием старославянского. С другой стороны, отсутствие однозначно древнерусских примеров на *-тъ* до XIII в. не доказывает отсутствия этого окончания в древнерусском XI–XII вв. (см. подробнее Филин 1972: 444–447).

Реликтовые формы на *-ть* в говорах, знающих только *-т⁵*, противостоят фонологическому возведению этого твердого *-т* к мягкому *-ть*.

Объяснение др.-рус. 3 л. ед. ч. *придеѣтъ* и т. д. из *приде* + им. п. ед. ч. м. р. *тъ* 'этот' (Обнорский 1953: 135–136; Schenker 1993: 97) неубедительно по причине отсутствия соответствующих форм во множественном числе, а также в женском и среднем родах⁶. Др.-рус. *-тъ* и его (потенциальные) рефлексy в современных говорах показывают, что все три окончания 3 л. ед. и мн. ч. презенса, известные из древнерусских и старославянских текстов, – ожидаемое *-тъ* и оба его конкурента – должны были сосуществовать и в древнейшем восточнославянском.

Такое же заключение кажется неизбежным и для западнославянского. В этом ареале практически все языки имеют в 3 л. настоящего времени всех глаголов только окончание *-Ø* с самого начала письменной фиксации. Так, например, в верхнелужицком: 3 л. ед. ч. *je*, мн. ч. *su* 'быть', ед. ч. *njese*, мн. ч. *njesu* 'нести' и т. д. Тем не менее, в 3 л. ед. ч. глагола 'быть' наряду с *je* отмечено польск., чешск. *jest* и др.-польск. *jeść* (Vondrák 1928: 113–116; Vaillant 1966: 23, 443–449). Др.-польск. *jest* и *jeść* показывают, что окончание **-tь* (= ст.-слав. *ѣстѣ*) и окончание **-tь* (= др.-рус. *ѣстѣ*) изначально были знакомы и западнославянским языкам, где они должны были сосуществовать с окончанием *-Ø* (= ст.-слав. *ю*) так же, как и в южно- и восточнославянском.

Таким образом, колебания между *-тъ* и *-Ø* в древнейшем древнерусском и между *-тъ* и *-Ø* в старославянском происходят из тройного чередования в праславянском языке-основе. В случае атематического презенса глагола 'быть' чередование между **-tь* и **-Ø* или **-tь* и **-Ø* засвидетельствовано в словенском и сербскохорватском, которые также относятся к южнославянским языкам. Сравнение с болгарским и

⁵ См. Обнорский 1953: 118–121 о *можеть* 'возможно', *весть* в бог *весть* 'кто его знает' и некоторых других подобных формах 3 л. презенса, утративших связь с системой спряжения. См. также Аванесов, Бромлей и др. 1965: 163; Kiparsky 1967: 189–190; Vlasto 1988: 155.

⁶ Редкие, в основном северно- и среднерусские формы типа 3 л. ед. ч. наст. вр. *идѣто* и т. д., собранные Обнорским, не засвидетельствованы ранее XIX в. и, таким образом, отстоят от древнерусских форм на *-тъ* более чем на пять веков. Хронологическая дистанция и отсутствие корреляции с родом и даже числом подлежащего (ср. 3 л. мн. ч. през. *сидѣто* и т. д.) не позволяют видеть в таких формах сколько-нибудь надежного отражения гипотетической конструкции *иде* + им. п. ед. ч. ср. р. *то*. В работе Бромлей, Булатова 1972: 243 появление дополнительного гласного (*идѣт* > *идѣто*) объясняется фонетическими причинами.

македонским говорит о таком же чередовании у тематических и «полутематических» презенсов. Западнославянские языки, чешский и польский, указывают на тройное чередование $*-tь \sim *-tь \sim *-\emptyset$ в парадигме глагола ‘быть’. В восточнославянских языках этим тройным чередованием $-tь \sim -tь \sim -\emptyset$ охвачены также тематические и «полутематические» презенсы. Из этого следует, что рассматриваемое явление было унаследовано славянскими языками от их общего предка, праславянского языка-основы.

Древний возраст этого явления находит, наконец, подтверждение в том факте, что в парадигме некоторых атематических презенсов формы 3 л. ед. ч. с окончанием $-\emptyset$ отличаются от своих более полновесных вариантов не только отсутствием рефлексов праслав. $*-tь$ или $*-tь$. В случае 3 л. ед. ч. ст.-слав., др.-рус. ю , ст.-слов., в.-луж. je ‘есть’ (\sim др.-рус. юсть , ст.-слав. юстѣ), в.-луж. da ‘даст’ (\sim др.-рус. дасть , ст.-слав. дастѣ), в.-луж. $jě$ ‘ест’ (\sim др.-рус. ѣсть , ст.-слав. ѣстѣ) и т. д., в более кратких формах отсутствует не только окончание, но также и последний согласный корня. Отсутствие этого согласного может быть объяснено только хорошо известным отпадением согласных, включая группы согласных, в конце праславянского слова – ср. ст.-слав. 3 л. ед. ч. $\text{вы}-\emptyset$ ($< *-s-t$) \sim 3 л. мн. ч. $\text{вы}-\text{ша}$ ($< *-s-nt$) и т. д. в парадигме сигматического аориста. Несомненная праславянская древность этого последнего явления подтверждает (вопреки Ф. Кортландту – Kortlandt 2009: 159) то, что этимологически неожиданные варианты 3 л. ед. ч. наст. вр. типа ст.-слав., др.-рус. ю рядом с юсть , $-tь$ не могли возникнуть позднее праславянского времени.

Чередование между полными вариантами 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. с праслав. $*-tь$ и $*-tь$ с одной стороны и с нулевым праслав. $*-\emptyset$ с другой представляется регулярной и продуктивной чертой праславянской морфологии. Это следует, во-первых, уже из самого факта частичного сохранения таких вариантов в одном и том же восточнославянском языке и части западнославянского ареала. Во-вторых, о регулярном характере и продуктивности чередования свидетельствуют данные просодии (см. Kortlandt 2009: 157; Жолобов 2016а: 17–18), что касается как места и/или характера ударения в словоформах, так и отчасти неожиданного количества гласных в исходе основы.

Данные современных юго-, восточно- и западнославянских языков свидетельствуют о том, что просодические различия между акцентными парадигмами глагола с нулевым окончанием 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. реализовались так же, как и в их полных соответствиях

с праслав. *-тъ и *-тѣ (см. Stang 1952; 1957: 114–119). В табл. ба это показано для тематических презенсов, принадлежащих к а. п. *b* (тип рус. 3 л. ед. ч. *мóжет*) и а. п. *c* (тип рус. 3 л. ед. ч. *печѣт*). С исторической точки зрения, рефлексy неоакутовой интонации на корне в а. п. *b* (рус. *мóжет*, болг. *мóже*, слц. *mòže* и т. д.) и на тематическом гласном в а. п. *c* (рус. *печѣт*, болг. *печѣ*, слц. *pečie* и т. д.) ожидаемы в 3-сложных формах на праслав. *-тъ и *-тѣ, но не в их 2-сложных соответствиях на праслав. *-Ѡ⁷. Ср. акцентуацию аористов (исторически имперфектов) от тех же глаголов в табл. бб. Такие аористы, изначально двусложные по самой своей природе, несомненно сохранили свои исконные просодические характеристики с дославянского времени (см., к примеру, Stang 1957: 129).

Таблица 6

<i>a</i>		а. п.	праслав.				
	3 л. ед. ч. наст. вр.	<i>b</i>	* <i>mòžety, -tъ</i>	~	* <i>mòže</i>	>	болг. <i>мóже</i> , шток. <i>mòžě</i> , укр. <i>мóже</i> , слц. <i>mòže</i>
		<i>c</i>	* <i>pečety, -tъ</i>	~	* <i>peče</i>	>	болг. <i>печѣ</i> , шток. <i>pečě</i> , укр. <i>печѣ</i> , слц. <i>pečie</i>
<i>b</i>			праслав.				
	3 л. ед. ч. аор.	<i>b</i>	–	~	* <i>možě</i>	>	болг. <i>можѣ</i> , шток. <i>mòže</i>
		<i>c</i>	–	~	* <i>peče</i>	>	болг. <i>пече</i> , шток. <i>peče</i>

Моделью для аналогии (создавшей, к примеру, на основе 3 л. ед. ч. праслав. **mòžety, -tъ*, **pečety, -tъ* и т. п. такие двусложные формы, как **mòže*, **peče*) послужили, по-видимому, многочисленные и отчасти высокочастотные презенсы, принадлежащие к а. п. *a*, где не было сдвигов ударения (см. табл. 7).

⁷ Данные словацкого языка обсуждаются в этой связи в работах (Trávníček 1922: 108–110 и Stang 1952). На слц. *ô* как рефлекс праслав. **o* под неоакутом указывает слц. *bôb* (< праслав. **bôbъ*, ср. ст.-слав. *вогъ*, шток. *bôb*) и т. д., слц. *ie* как рефлекс праслав. **e* представлено в род. п. мн. ч. слц. *žien* (< праслав. **žěny*, ср. ст.-слав. *жѣнь*, рус. *жѣн*) и т. д. (см. Fecht 2010: 46–54). Схожее распределение долготы и краткости засвидетельствовано для части словенских диалектов (Greenberg 2000: 93), так, например, 3 л. ед. ч. наст. вр. *môre* ~ *pečě* в Каринтии (Pronk 2009: 103–108).

Таблица 7

		праслав.				
3 л. ед. ч. наст. вр.	а. п. а	* <i>stānētib</i> , -tь	~	* <i>stāne</i>	>	рус. <i>стáнет</i> , болг. <i>стáне</i>
		* <i>plāčētib</i> , -tь	~	* <i>plāče</i>	>	рус. <i>плáчет</i> , болг. <i>плáче</i>
		* <i>rěžētib</i> , -tь	~	* <i>rěže</i>	>	рус. <i>рѣжет</i> , болг. <i>рѣже</i>
		* <i>znājetib</i> , -tь	~	* <i>znāje</i>	>	рус. <i>знáет</i> , болг. <i>знáе</i>
		* <i>čŭjetib</i> , -tь	~	* <i>čŭje</i>	>	рус. <i>чŭет</i> , болг. <i>чŭе</i>
		* <i>jьgrājētib</i> , -tь	~	* <i>jьgrāje</i>	>	рус. <i>игрáет</i> , болг. <i>игрáе</i>
		* <i>vīdītib</i> , -tь	~	* <i>vīdi</i>	>	рус. <i>вídит</i> , болг. <i>вíди</i>
		* <i>měritib</i> , -tь	~	* <i>měri</i>	>	рус. <i>мѣрит</i> , болг. <i>мѣри</i>
и т. д.						

Кроме того известно, что праславянские долгие гласные в последнем слоге многосложных словоформ закономерно сокращались (см. Stang 1957: 36–40; Shevelov 1964: 507; Karović 2005a: 76; Holzer 2005: 50; 2007: 69; 2009: 160–161). Это ясно следует, например, из падежных форм существительных: см. *табл. 8а* для праслав. *-*o*, фонетически примерно [ǫ:]⁸. Тем не менее, двусложные формы 3 л. ед. и мн. ч.

⁸ Данные, как будто свидетельствующие о сохранении конечных долгих гласных в падежных окончаниях под ударением (см. Дыбо 1981: 31–32; Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 31–34), вызывают сомнение. К примеру, окончание род. п. ед. ч. *ā*-основ шток. *žēnē* и т. д. может происходить из склонения местоимений (Karović 2005a: 76): ср. шток. род. п. ед. ч. ж. р. *tē* (~ ст.-слав. *тоѡа*), где долгий гласный – результат позднего стяжения. Сходное объяснение предложено для род.-мест. п. дв. ч., сохранившегося в род. п. мн. ч. шток. *nǫgŭ*, чешск. *nohou* и т. д. (см. Gorbačov 2017). – Из позднего стяжения происходит также *-ī* в род. п. мн. ч. *i*-основ (< праслав. *-*bjь*, ср. ст.-слав. -ии, рус. -eŭ), очевидно источник окончания *-ā* в род. п. мн. ч. *ā*-основ (слов. *ženā* как вариант *žēn*, шток. *žēnā*, затем *drugā* и т. д.); см. Igartua (2005: 667–670), не лучше (Holzer 2009: 162–166; Karović 2020). – Долгие гласные аористов типа шток. 2, 3 л. ед. ч. *brā*, *nǫsī*, *tǫnŭ* и т. д., о которых в данной связи упоминает К. Станг (Stang 1957: 39), объясняются поздней аналогией по модели таких аористов из а. п. с, как шток. 2, 3 л. ед. ч. *dā*, *pī* и т. д. Сохранение долготы гласного в односложных словоформах вполне допустимо (Shevelov 1964: 508–509). Можно предположить, что в сербохорватском по модели 1 л. ед. ч. **dāxъ*, **pīxъ* (štok. *dāh*, *pīh*) ~ 2, 3 л. ед. ч. **dā*, **pī* (шток. *dā* / *iz-dā*, *pī* / *is-pī*) в парадигме аористов 1 л. ед. ч. **brāxъ*, **nosīxъ*, **tonǫxъ* (шток. *brāh*, *nǫsīh*, *tǫnuh*) возникли безударные формы 2, 3 л. ед. ч. **brā*, **nosī*, **tonǫ* (шток. *brā* / *iz-brā*, *nǫsī* / *dǫ-nosī*, *tǫnŭ* / *pǫ-tonŭ*). У аористов, не принявших участия в этом процессе и сохранивших ударенную форму 2, 3 л. ед. ч., эта форма закономерно оканчивается кратким гласным: шток. *pīta*, *tǫnu*, *gǫrje* (< **pīta*, **tǫnǫ*, **gǫrē*) и т. д.

наст. вр. систематически сохраняют долготу конечного гласного. Такие долгие гласные, хорошо сохранившиеся в части южнославянских и во всех западнославянских языках, могут происходить только из трехсложных форм 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. с праслав. *-tь и *-tь, в которых долгий гласный в исходе основы не находился в конечном положении и, соответственно, не сокращался. См. табл. 8, где это показано для 3 л. мн. ч. наст. вр. тематических презентных основ с праслав. *-ǫ [ǫ:] и их «полутематических» соответствий с праслав. *-ę [ĕ:].

Таблица 8

a		а. п.	праслав.				
	вин. п. ед. ч.	a	*vǫl'ǫ		>	рус. во́лю, шток. vǫlju, слц. vǫl'u	
		b	*ženǫ		>	рус. жену́, шток. žènu, слц. ženu	
c		*nogǫ		>	рус. но́гу, шток. nǫgu, слц. nohu		
b			праслав.				
	3 л. мн. ч. наст. вр.	c	*nesǫtь, -tь	~	*nesǫ	>	рус. несúм, шток. nēsū, слц. nesú
		b	*prǫsętь, -tь	~	*prǫsę	>	рус. прóсям, шток. prǫsē, слц. prosia
a		*vǫdętь, -tь	~	*vǫdę	>	рус. вúдым, шток. vǫdē, слц. vidia	

Из табл. 8a следует, наконец, что в диалектах сербскохорватского языка формы 3 л. ед. ч. наст. вр. могут оканчиваться на долгий гласный, неожиданный с исторической точки зрения (то есть *mǫžē, pęčē* и т. д., см. подробно Каровић 2005a: 83–84; 2005b: 57–58; 2015: 292–294, 367–370; 2018). Известно, что в сербскохорватском долготы этого рода обычно возникала у гласных в изначально безударных словоформах при потере конечного праслав. *-tь или *-tь в следующем слове, см. табл. 9a (Shevelov 1964: 446–447; Каровић 2005b: 53, 2010: 78–79, 2017: 391–394; 2019: 100–108; 2022: 88–92; Holzer 2007: 68–69; 2009: 156). Представляется естественным отнести долготу конечного гласного в сербскохорватских тематических презентных к тому же процессу.

Такое объяснение, видимо, вполне возможно, если предположить, что продление гласного происходило не только в безударных словоформах, но и во всех безударных слогах перед слабым праслав. *-tь или

*ь в следующем слоге (см. Garde 1976: 248; Holzer 2009: 156). В этом случае долгота тематического гласного в трехсложных соответствиях таких форм 3 л. ед. ч. наст. вр., как шток. *stānē, lǰēzē* (а. п. *a*), *īdē, pōčnē* (а. п. *b*) и т. д. (см. табл. 9b), становится закономерной, так как тематический гласный в а. п. *a* и *b* был безударным. Продление в шток. *pěčē, mètē* (а. п. *c*) и т. д., где тематический гласный нес ударение, должно быть в этом случае отнесено к аналогии по модели глаголов из а. п. *a* и *b*. Согласно М. Каповичу (Karović: 2005b: 57–58), долгое произношение тематического гласного в а. п. *c* (*pěčē, mètē* и т. д.) является особенностью восточных штокавских диалектов, которая отсутствует в большинстве западных штокавских (*pěče, mète* и т. д.) и чакавских (*pečë, metë* и т. д.) говоров (см. об этом также Vermeer 1984: 364–366, 380–382). Таким образом, гипотетическая аналогия захватила лишь часть штокавского ареала⁹.

⁹ Аналогическое выравнивание в восточных штокавских говорах стало возможным, по-видимому, благодаря 1 л. ед. ч. на шток. *-ēm*, где долгий гласный может происходить из другого источника. По модели шток. 1 л. ед. ч. *stānēm, īdēm* ~ 3 л. ед. ч. *stānē, īdē* и т. д. (а. п. *a* и *b*) у тематических презенсов из а. п. *c*, как например *pěčēm*, возникла новая форма 3 л. ед. ч. на долгий гласный, т. е. *pěčē*, которая со временем вытеснила *pěče*. Долгий гласный в окончании 1 л. ед. ч. шток. *-ēm*, ср. чак. *-ēm*, объясняется, по-видимому, продлением в конечном слоге на сонант (ср. ст.-слав. вин. п. ед. ч. *дворъ, каиъ*, с'вѣръ ~ шток. *dvôr, kāmēn, sjěvēr*, чак. *dvôr, kāmēn* (см. Karović 2005b: 54, 58, иначе Holzer 2007: 81, 98). О том, что долгий гласный в 1 л. ед. ч. не зависит от долготы в 3 л. ед. ч. свидетельствуют, очевидно, диалектные системы типа чак. *čūjēn* ~ *čūje* и т. д. (см. Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 17–18). – Два глагола из а. п. *b*, а именно 3 л. ед. ч. *mōžē* и *hōčē*, во многих говорах произносятся *mōže* и *hōče* (Vermeer 1984: 365; Karović 2005b: 57). Это, видимо, реликты, избежавшие выравнивания по своим трехсложным соответствиям. Причина, вероятно, в высокой частотности этих глаголов, которая связана с их синтаксическими особенностями (т. е. возможностью употребления в модальном смысле с инфинитивами других глаголов). Распространенное отсутствие продления тематического гласного в таких глаголах а. п. *a*, как *bījē* и т. д. (см. Vermeer 1984: 364; Karović 2005b: 57) остается с исторической точки зрения неясным. – Предшествующие попытки объяснить долготу тематического гласного в сербскохорватских презенсах не представляются удачными. «Закон ван Вейка» (праслав. *VCjV > *VC'V:), использованный в настоящем контексте в работе Vermeer 1984: 361–366 (ср. также Holzer 2005: 51–52; 2007: 70–71; 2009: 159), слишком гипотетичен, поскольку еще не подтвержден надежными данными, не зависящими от сербскохорватских тематических глаголов (Karović 2007: 97–98, см. также Fecht 2010: 151–166). То же самое нужно сказать о предложенной опять же в работе Vermeer 1984 и поддержанной в Pronk 2021: 9–10 гипотезе об удлинении тематического гласного под неоакутом в презенсах а. п. *c* (ср. праслав. *bōbъ > слц. *bōb*, но шток. *bōb*). Предложенный в работе Karović 2005b: 57–58 перенос долготы с презенсов с

Таблица 9

<i>a</i>		шток.		праслав.		ст.-слав.
	им. п. ед. ч.	<i>léd</i>	<	* <i>ledъ</i>	~	лѣдѣ
		<i>pěc</i>	<	* <i>pet'ъ</i>	~	пещь
		<i>pòmōc</i>	<	* <i>romot'ъ</i>	~	помощь
<i>b</i>		шток.		праслав.		ст.-слав.
	3 л. ед. ч. наст. вр.	<i>ljězē</i>	~	* <i>lězetъ, -tъ</i>	~	лѣзетѣ
		<i>mōžē</i>	~	* <i>mōžetъ, -tъ</i>	~	можетѣ
		<i>pěcē</i>	~	* <i>pečētъ, -tъ</i>	~	печатѣ

Таким образом, все три явления – неоакут на тематическом гласном в а. п. с, сохранение конечных долгот в южно- и западнославянских языках, продление тематического гласного в сербскохорватском – свидетельствуют, что двусложные формы тематических глаголов являются вариантами соответствующих трехсложных форм, возникшими вследствие морфологической аналогии. Возможность такой аналогии предполагает, что морфологическая оппозиция между трехсложными формами на праслав. *-tъ и *-tъ, с одной стороны, и двусложными формами без окончания – с другой, в позднем праславянском имела системный характер и была продуктивна.

4. Существующие гипотезы

Из вышеизложенного следует, что все три варианта окончания 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени – то есть -tъ (др.-рус. *ѣсть, вѣреть, просить*), -tъ (ст.-слав. *ѣстѣ, вѣрѣтѣ, проситѣ*) и, наконец, -∅ (ст.-слав., др.-рус. *ѣ, вѣре, проси*) – унаследованы из праславянского. Задача заключается теперь в том, чтобы найти объяснение тем двум вариантам этого окончания, которые не находят соответствий в индоевропейских языках с ранним началом письменной фиксации.

Как уже было сказано выше, окончание др.-рус. -tъ (*ѣсть, вѣреть, просить*) было несомненно унаследовано из праиндоевропейского, по-

основой на скр. -ī- и -ā-, где долгий гласный исторически оправдан, вполне возможен, если использовать 1 л. ед. ч. на шток. -īm (*nōsīm, d'žīm* и т. д.) и -ām (*pītām, imām* и т. д.). Тем не менее, эта теория не объясняет, почему продление тематического гласного затронуло в большей части сербскохорватского ареала только изначально безударный тематический гласный (в а. п. *a* и *b*).

сколько оно находит точные соответствия в индоиранском (др.-инд. *-ti*, с.-авест. *-tī*, м.-авест. *-ti*), анатолийском (хет. *-zi*), итальяйском (лат. *-t*), германском (гот. *-t*, *-þ*, *-d*, др.-англ. *-ð*, др.-в.-нем. *-t*), древнегреческом (дор., эол. *-ti*, арк., ион., атт. *-ti*, *-σι*) и кельтском (др.-ирл. */-θʲ/*, */-dʲʷ/*). Объяснению подлежат оставшиеся окончания ст.-слав. *-тъ* и *-Ø*. Под объяснением следует при этом понимать фонологически и морфологически органичное выведение этих праславянских окончаний из той словоизменительной системы, которая реконструируется для дославянского времени на основе сравнения данных более древних языков.

Несмотря на почти двести лет исторического изучения славянских языков, эта проблема все еще не нашла убедительного решения. Существующие гипотезы подробно обсуждаются в работах (Forssman 1981; Miller 1988b: 15–19; Olander 2015: 324–330, 360–363; Villanueva Svensson 2017/2018: 284–287). Все эти гипотезы можно разделить на три группы.

Первую группу составляют гипотезы, которые очевидно ошибочны по фонологическим либо морфологическим причинам. К таким ошибочным гипотезам относится, к примеру, выведение ст.-слав. *вѣрътъ* из прасл. **bere* + безударное местоимение **=тъ*, в котором видят славянское соответствие древнепрусскому безударному местоимению *=ts* (ср. др.-прус. 3 л. наст. вр. *asti=ts* ‘есть’, 3 л. прош. вр. *imma=ts* ‘взял’ и т. д.). Против этой гипотезы – встретившей поддержку, например, в работах Miller 1988b: 23–24; Kortlandt 2009: 159 – говорит в первую очередь тот факт, что др.-прус. *=ts* восходит к прабалт. **=dis*, которое со ст.-слав. *-тъ* в *вѣрътъ* и т. д. фонетически несовместимо. Реконструкция именительного падежа этого местоимения как прабалт. **=dis* ясно следует из других падежных форм древнепрусской энклитики: вин. п. ед. ч. м., ж. р. *=din* ‘его, ее’, вин. п. мн. ч. м. р. *=dins* ‘их’ и т. д., ср. в отдаленно родственных древнеиранских языках м.-авест. вин. п. ед. ч. м. р. *=dim*, вин. п. мн. ч. м. р. *=dīš* и т. д. (Mažiulis 2013: 122–123; Rinkevičius 2017: 165–166).

Вторую группу составляют объяснения *ad hoc*, которые не заслуживают внимания, пока их основные положения – гипотетические фонетические переходы или морфологические реконструкции – не будут подкреплены фактами, не зависящими от решения обсуждаемой проблемы. К этой группе относятся все гипотезы, постулирующие нерегулярные либо, в рамках данной фонологической системы, уникальные фонетические переходы. К этой же группе следует отнести также теории, основанные на прямой экстраполяции вариативности

славянских окончаний в праиндоевропейский. Ср. популярную некогда реконструкцию др.-рус. *юсть*, *верѣ* < и.-е. **hes-ti*, **bʰere-Ø* (Топоров 1961: 60–63; Miller 1988b: 20; Kortlandt 2009: 159)¹⁰.

Третья и последняя группа содержит наблюдения, которые сами по себе решением проблемы считаться не могут, но, возможно, указывают путь к такому решению. Речь идет о грамматических явлениях, напоминающих описанное чередование окончаний в 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени славянского глагола. Будучи сходны с этим чередованием, такие явления могут иметь общее с ним происхождение. Сюда относятся два наблюдения, сделанные уже в работе Stang 1942: 218–222. Одно из них касается до сего дня не объясненной вариации типа ст.-слав. *ѡ = ѡвѣ =* и т. д. в славянских предлогах и глагольных префиксах. Второе – настолько же малопонятной вариации типа ст.-слав. *ѡ ~ ѡвѣтъ* ‘взял’, *да ~ дастъ* ‘дал’ и т. д. в 3 л. ед. ч. некоторых аористов (см. Ackermann 2014: 120–135; Olander 2015: 330–333; Жолобов 2016а: 24–27). Оба явления очевидно близки к ст.-слав. *ю ~ юсть*, *верѣ ~ верѣтъ* и т. д. в 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени.

5. Индоевропейские локальные частицы и 3 л. ед. ч. старославянского аориста

Как и в древнегреческом, латинском или готском языках, большая часть славянских предлогов и глагольных префиксов происходит из некогда полусамостоятельных локальных частиц (см. недавние работы Reinöhl, Casaretto 2018; Hill, Kölligan, Scheungraber, Frotscher 2019). В наиболее архаичном древнеиндийском такие частицы знают следующие три способа употребления:

(а) в функции наречия, несущего самостоятельное ударение (напр. *abhi* ‘прямо, в определенном направлении’),

(б) в качестве проклитики перед глагольными формами (напр. *abhi=bharati* ‘относит, приносит’ в неподчиненном, *abhi=bhārati* ‘который относит/приносит’ в придаточном предложении),

(с) в качестве первого компонента сложного существительного либо прилагательного (напр. *abhi-drohás* ‘оскорбление’, от *druh-* ‘обидеть’).

Из употребления (а) в славянском развились предлоги, которые – вследствие потери самостоятельного ударения – превратились в энклимены (ср. русск. *об=стѣну*, *об=пол*).

¹⁰ См. критический разбор этой гипотезы в работах Cowgill 1985; Hill, Fries 2020.

Из употребления (b) возникли славянские глагольные префиксы, большая часть которых также энклиномены (ср. русск. 1 л. ед. ч. *об=рёжу*).

Употребление (c) сохранилось в славянском без существенных изменений (ср. рус. *обóz* < праслав. **ob-vozъ* от *vezъ*).

Наблюдение Станга (Stang 1942: 218) заключается в следующем: некоторые из славянских предлогов и глагольных префиксов существуют в двух вариантах. В канонических старославянских текстах предлоги *отъ=*, *изъ=* и некоторые другие встречаются как с гласным *-ъ* на конце (*отъ=вога*, *изъ=црькъвъѣ*), так и без него (*от=нихъ*, *из=града*). Регрессивная ассимиляция по звонкости *из=* > *ис=* (*ис=храма*, *ис=клѣти* и т. д.) показывает, что такое чередование не может быть объяснено простым пропуском *ъ* на письме. Аналогичное чередование между *отъ=* и *от=*, *изъ=* и *из=* характерно и для соответствующих глагольных префиксов (*отъ=врѣци*, *изъ=хѣдити* ~ *от=врѣци*, *ис=хѣдити* и т. д.). Сложные существительные типа ст.-слав. *от-рокъ*, *ис-хѣдъ* и т. д. указывают на первоначальный характер вариантов без *-ъ*. Откуда дополнительное *-ъ* в старославянских предлогах и префиксах?

Современные славянские языки, по-видимому, подтверждают происхождение дополнительного *-ъ* в ст.-слав. *отъ=*, *изъ=* и т. д. из праславянского. Ср. данные русского и польского языков в табл. 10 (а для предлогов и b для глагольных префиксов), в которых праслав. **-ъ* перед редуцированным гласным в следующем слоге закономерно проясняется в русск. *-о*, польск. *-е*. Соответственно, славянские проклитики этой группы следует реконструировать как праслав. **ot=*, **jbz=* ~ **otъ=*, **jbzъ=* и т. д.¹¹

Рассмотрение всех отмеченных вариантов с их зафиксированной в памятниках дистрибуцией – праслав. **ot=*, **jbz=* ~ **otъ=*, **jbzъ=*, но только **ot-*, **jbz-* в сложных существительных – делает происхождение дополнительного элемента **-ъ* в славянских предлогах и глаголь-

¹¹ Реконструкция праслав. **jbz-ъ=* менее надежна, чем реконструкция праслав. **ot-ъ=*. Во-первых, глагольный префикс ст.-слав. *изъ=*, в отличие от ст.-слав. *отъ=*, засвидетельствован лишь у немногих глаголов и только в Супрасльской рукописи и Синайском требнике (Aitzetmüller 1977: 194–195, 333–356). Во-вторых, однозначные рефлексы праслав. **jbz-ъ=* отсутствуют в части славянского языкового ареала. В восточнославянском рус. *из=*, *изо=* ~ укр. *із=*, *зі=* указывают скорее на **jbz=* в чередовании с двойным префиксом **jbz-o=* (личное сообщение С. Николаева). Польск., чеш. *z=*, *ze=* и шток. *iz=*, *iza=* (с ясными рефлексам праслав. **ъ* в полном варианте) могли возникнуть вторично, по модели польск. *w=*, *we=*, чеш. *v=*, *ve=*, шток. *s=*, *sa=* < праслав. **vъ=*, **sъ=* и т. д.

Таблица 10

	русск.		ст.-польск.		ст.-слав.
a	<i>ото=днá</i>	—	—	ср.	ДЪНО
	—	<i>изо=льнá</i>	—		ЛЪНЪ
	—	—	<i>ze wsi</i>		ВЪСЬ
b	<i>ото=рвú</i>	<i>изо=рвú</i>	<i>ze=rwę</i>	ср.	=рѣвѣж
	<i>ото=мицú</i>	—	<i>ze=mszczę</i>		=мѣцѣж
	<i>ото=прú</i>	—	<i>ze=prę</i>		=пѣрѣж

ных префиксах очевидным. Праславянский гласный *-ъ происходит в первую очередь из и.-е. **u* (= др.-инд., хетт., лат., гот. *u*, гр. *υ*), ср. ст.-слав. снѣхъ = др.-инд. *sniṣā* ‘сноха’ и т. д. При этом известно, что для праиндоевропейского следует реконструировать безударную частицу *=*u* ‘также, кроме того, напротив’. Древнеиндийские и готские памятники показывают, что в предложении и.-е. *=*u* часто присоединялось к локальным частицам, см. табл. 11 (см. Klein 1978a; 1978b: 111–123; Mayrhofer 1992: 209; Streitberg 1919: 152; Miller 2019: 559). Поскольку многие славянские предлоги и глагольные префиксы происходят из таких локальных частиц, праслав. **otъ*=, **jъzъ*= легко объясняются как варианты праслав. **otъ*=, **jъzъ*=, содержащие эту частицу и.-е. *=*u* > праслав. *-ъ.

Таблица 11

a	др.-инд.		
	<i>sám</i> ‘вместе’	<i>sám=u yantu</i>	‘пусть они сойдутся!’
	<i>úd</i> ‘наружу’	<i>úd=u svānébhir īrate</i>	‘они прорываются наружу с громом’
	<i>ní</i> ‘вниз’	<i>ny=ù bhriyante</i>	‘их кладут вниз’
b	гот.		
	<i>af, ab</i> = ‘от’	<i>ab=u þus silbin</i>	‘от тебя самого’
	<i>bi, bi</i> = ‘у, около’	<i>bi=u=gítai galaubein</i>	‘встретит ли он доверие?’
	<i>ga</i> = ‘с-’	<i>ga=u=ha=sehí</i>	‘видел ли он что-либо?’

Праиндоевропейская частица *=*u* присоединялась однако не только к локальным частицам, но и к глагольным формам, см. табл. 12 (ср. снова Klein 1978a; 1978b: 148–153; Mayrhofer 1992: 209; Miller 2019: 511). Из этого следует, что и чередование ѡ ~ ѡтъ ‘взял’, да ~ дастъ

‘дал’ и т. д. в 3 л. ед. ч. некоторых старославянских аористов может быть объяснено также, как ст.-слав. *от= ~ отъ=* и т. д.¹² Более короткие формы ст.-слав. *ѡ, да* могут происходить из предложений без частицы. Их более полные варианты ст.-слав. *ѡтъ, дастъ* – соответственно из предложений, эту частицу содержащих. Отсутствие частицы в ст.-слав. *ѡ, да* привело к закономерному отпадению согласных на конце словоформ. Ее присутствие в ст.-слав. *ѡтъ, дастъ* – к закономерному их сохранению.

Таблица 12

a	др.-инд.	
	<i>ābhūd=u bhās</i>	‘и стал свет’
	<i>ājahād=u dvā mithunā</i>	‘она покинула этих двоих’
	<i>hāvanta=u=tvā</i>	‘они зовут тебя’
b	гот.	
	<i>maguts=u driggkan stikl þanei ik driggka</i>	‘вы можете выпить чашу, которую пью я?’
	<i>ei saiham qimai=u Helias</i>	‘чтобы мы увидели, придет ли Элиас’
	<i>wileid=u nu ei fra=letau</i>	‘вы хотите, чтобы я теперь отпустил (его)?’

Единственное различие между проклитиками типа ст.-слав. *от= ~ отъ=* и аористами типа ст.-слав. *ѡ ~ ѡтъ* заключается при этом объяснении в том, что у первых, в отличие от последних, не всегда отпадали согласные – ср. ст.-слав. *ок= ~ о=*, но *от=*, *из=*¹³. Это различие может быть связано с просодическими свойствами бывших локальных частиц. В качестве глагольных префиксов эти частицы, как известно, были проклитиками и в древнеиндийском. Если гипотетически принять сходную ситуацию и для праславянского времени действия законов последнего слога, то согласные должны закономерно отпадать в еще несущих ударение предлогах, но сохраняться в соответствующих им глагольных префиксах. Результатом должно было быть праслав. **o ~ *ob=* (перед гласными и сонантами) и т. д. В более позднее время

¹² Похожее предположение высказано Жолобовым (2016a: 25).

¹³ Варианты праслав. **ot=* и **jъz=* с отпавшим согласным практически не отмечены в славянских языках, возможно, потому, что они совпадали соответственно с **o=*, относящимся к **ob=*, и с им. п. м. р. **=jъ* местоимения ‘он, который’. Ср., однако, ст.-слав. *о=крыти*, *о=хедити* рядом с *отъ=крыти*, *отъ=хедити* (Aitzetmüller 1977: 355, 358; 1991: 155).

единое произношение предлогов и глагольных префиксов могло быть восстановлено по модели **pri ~ *pri=, *na ~ *na=* и т. д.

Показательно, что в канонических старославянских текстах более полные варианты 3 л. ед. ч. аориста *ѡтъъ*, *дѡтъъ* засвидетельствованы прежде всего без префикса, в то время как более короткие варианты *ѡ*, *да*, напротив, часто имеют префикс (см. van Wijk 1931: 223–224 и материал собранный у Ackermann 2014: 175–234). Это отчасти очень ясное распределение – в тексте Супрасльской рукописи *дѡтъъ* отмечено 41 раз при 6 *да* и 25 *=да* – полностью соответствует теории¹⁴. Ср. *табл. 13*, где используется ст.-слав. *ѡти* ‘братъ, взять’ (< балто-слав. **im-tī*, ср. лит. *im̃ti* ‘братъ, взять’).

¹⁴ Ситуация в глаголических памятниках отличается прежде всего тем, что более короткие варианты аористов этого типа вообще редки (1 *да* и 3 *=да* при 39 *дѡтъъ* и 16 *=дѡтъъ* в Зографском Евангелии, похожая картина в Мариинском Евангелии, см. подробно van Wijk 1931: 223–224). Причина, видимо, в диалектных различиях внутри старославянского. Следующая особенность языка старославянских текстов заключается в том, что чередование типа *ѡ*, *да ~ ѡтъъ*, *дѡтъъ* свойственно только тем аористам, которые по свидетельству современных славянских языков следовали а. п. с (van Wijk 1926). Ст.-слав. *дѡтъъ*, *=да* и *ѡтъъ*, *=ѡ* соответствуют, например, шток. *dā / ȳz=dā* и *õt=ē*. Другие аористы – как, например, ст.-слав. *ви*, *=ви* ‘бить’, соответствующий шток. *bī / rāz=bi* – более полных форм не имели. Во всяком случае, штокавские аористы типа *dā*, *=dā* указывают на древний возраст таких коротких вариантов у аористов из а. п. с. Для старославянских текстов, рассмотренных в изоляции, нельзя исключить позднее происхождение *ѡ*, *да* и т. д. по аналогии с типом ст.-слав. *вити ~ ви*, *=ви* (van Wijk 1931: 223). Однако, ясное различие в просодии между шток. *bīti ~ bī*, *=bi* и *dāti ~ dā*, *=dā* делает такое объяснение маловероятным. – Сложная ситуация в старославянском связана, скорее всего, с тем, что безударные 1-сложные формы аориста могли вести себя как энклитики, что могло причинять неудобства. Эта гипотеза объясняет сохранение *ѡтъъ*, *дѡтъъ* и т. д. в 3 л. ед. ч. аористов из а. п. с при полной потере подобных более полных форм такими же односложными, но ударенными аористами из а. п. а (тип ст.-слав. *ви*), аористами с многосложной формой 3 л. ед. ч. (ст.-слав. *несѣ*, *идѣ* и т. д.) и, наконец, в 3 л. мн. ч. всех аористов (ст.-слав. *несѣж*, *идѣж*, и т. д.). Той же склонностью к энклизе объясняются, вероятно, и редкость *ѡ*, *да* и т. д. в памятниках. См. сходно (Пичхадзе 2011: 316); на роль количества слогов в просодической реализации славянских энклитоменов указывает также Зализняк (2008: 34–35, 224). – Формы аориста типа ст.-слав. *ѡтъъ*, *дѡтъъ* встречаются и во 2 л. ед. ч., см. материал собранный в (Ackermann 2014: 180–234). Наиболее вероятная причина – перенос из 3 л. Такая инновация напрашивалась, видимо, потому, что в системе старославянского аориста 2 л. и 3 л. в единственном числе никогда не различаются (то есть 2, 3 л. ед. ч. *идѣ*, *вьра*, *льньѣ* и т. д.). – По какой причине ст.-слав. *ѡтъъ*, *питъъ* и *дѡтъъ*, *вьтъъ* в древнерусском соответствуют *ѡтъъ*, *питъъ*, но *дѡтъъ*, *вьтъъ* (Борковский, Кузнецов 1965: 271), остается неясным.

Таблица 13

			без префикса		с префиксом	
			– частица	+ частица	– частица	+ частица
<i>a</i>	дослав.	3 л. ед. ч. аор.	* <i>imt</i>	* <i>imt=u</i>	* <i>at=imt</i>	* <i>at=u=imt</i>
			↓		↓	
<i>b</i>	ст.-слав.	3 л. ед. ч. аор.	ѡ	ѡѡѣ	ѡѣ=ѡ	ѡѣ=ѡѡ

Таким образом, чередование ст.-слав. ѡ ~ ѡѡѣ, да ~ даѡѣ и т. д. в 3 л. ед. ч. некоторых аористов может быть объяснено так же, как и сходное чередование ст.-слав. ѡ= ~ ѡѡѣ= и т. д. в предлогах и глагольных префиксах, а именно с помощью славянского рефлекса праиндоевропейской частицы *=*u* (др.-инд., гот. =*u*). Если это так, то такое же объяснение может быть предложено и для 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени.

6. 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени в славянском

Чередование ст.-слав. ѡ ~ ѡѡѣ, берѣ ~ берѣѡѣ и т. д. в настоящем времени в самом деле очень походит на ст.-слав. ѡ ~ ѡѡѣ, да ~ даѡѣ и т. д. в системе аориста. В табл. 14 показано, что принятое для аориста объяснение с помощью частицы и.-е. *=*u* в принципе функционирует и для настоящего времени. Единственное различие между временными формами заключается в том, что в аористе названное чередование засвидетельствовано только в единственном числе.

Таблица 14

			без префикса		с префиксом	
			– частица	+ частица	– частица	+ частица
<i>a</i>	дослав.	3 л. ед. ч. през.	* <i>est</i> , * <i>beret</i>	* <i>est=u</i> , * <i>beret=u</i>	* <i>at=beret</i>	* <i>at=u=beret</i>
		3 л. мн. ч. през.	* <i>sont</i> , * <i>beront</i>	* <i>sont=u</i> , * <i>beront=u</i>	* <i>at=beront</i>	* <i>at=u=beront</i>
			↓		↓	
<i>b</i>	праслав.	3 л. ед. ч. през.	* <i>je</i> , * <i>bere</i>	* <i>jestь</i> , * <i>beretь</i>	?	* <i>otь=bere</i>
		3 л. мн. ч. през.	* <i>sъ</i> , * <i>berъ</i>	* <i>sъtь</i> , * <i>berъtь</i>	?	* <i>otь=berъ</i>

Таким образом, глагольные формы 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени на прасл. **-тъ* и прасл. **-Ø* могут быть равным образом выведены из дослав. **est*, **beret* и т. д. Это объяснение, как кажется, не предполагает дополнительных допущений *ad hoc*. Но как объяснить сами дославянские исходные формы?

7. Инъюнктив или апокопа гласного?

Гипотетические дославянские исходные формы типа **est*, **beret* чередуются в системе с дослав. **esti*, **bereti*. Эти последние, с одной стороны, непосредственно представлены др.-рус. *ѣсть*, *вѣръть* и др.-польск. *jeść*, с другой – являются ожидаемыми славянскими соответствиями др.-инд. *ásti*, *bhárati* в индикативе настоящего времени. В каком отношении друг к другу находятся эти исторически ясные формы дослав. **esti*, **bereti* (> др.-рус. *ѣсть*, *вѣръть*) и исторически неясные формы дослав. **est*, **beret* (> ст.-слав., др.-рус. *ѣ*, *вѣрѣ* и ст.-слав. *ѣстѣ*, *вѣрѣтъ*)?

К решению этой проблемы можно подойти с двух принципиально разных позиций. Согласно одной теории, формы типа дослав. **est*, **beret* восходят не к индикативу настоящего времени, но к другому наклонению (Фортунатов 1908, в наше время Miller 1988b: 17–18; Крысько 1998: 81; Жолобов 2016a: 17–23; 2016b; 2018: 145–147). Этим наклонением является так называемый инъюнктив, знакомый нам из раннего древнеиндийского и гомеровского древнегреческого. В древнеиндийском и древнегреческом инъюнктиве всех глаголов используются только «вторичные» окончания, то есть окончания, которые в индикативе употребляются в спряжении имперфектов и аористов. С формальной точки зрения, соотношение дослав. **bereti* ~ **beret* точно соответствует древнеиндийскому контрасту между индикативом *bhárati* и инъюнктивом *bhárat*.

При этом неоднократно отмечалось, что в некоторых восточнославянских памятниках и диалектах формы 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени с окончанием *-Ø* могут иметь синтаксические и/или семантические особенности, говорящие о возможности происхождения из другого наклонения. Шахматов (1903: 139) и за ним Обнорский (1953: 134) отмечают, что в определенных севернорусских памятниках XV в. окончание *-Ø* в 3 л. презенса встречается только в придаточных предложениях с условной семантикой. Зализняк (2004: 137) пишет о высокой частотности окончания *-Ø* в 3 л. презенса в придаточных

предложениях в языке древненовгородских берестяных грамот (XI–XV вв.). Согласно Рыко (2000), в северо-западных среднерусских говорах в районе о. Селигер окончание -Ø в 3 л. презенса употребляется в основном в предложениях неактуального настоящего времени. Аналогичные наблюдения для языка древнерусских копий старославянских памятников были сделаны Жолобовым (2016а; 2016b).

Альтернативная теория объясняет чередование дослав. **est*, **beret* ~ **esti*, **bereti* отпадением конечного **-i* в определенных фонологических или просодических условиях (Stang 1942: 218–219; Hock 2007; 2012: 119–120; Olander 2015: 329; Villanueva Svensson 2017/2018: 284–287). В пользу этой теории также можно привести факты, находящие с ее помощью простое и максимально естественное объяснение.

Согласно Зализняку (2004: 138), в древненовгородских грамотах на бересте (XI–XV вв.) перед энклитическими местоимениями =ти ‘тебе’, =миа ‘меня’, =са ‘себя’ в 3 л. ед. и мн. ч. презенса засвидетельствовано только окончание -тъ. Сходное наблюдение сделано в работах (Рыко 2000: 120) и (Bjørnflaten 2003: 54) для северо-западных среднерусских говоров, в которых окончание -Ø в 3 л. презенса не встречается в сочетании с возвратной частицей =ся. Та же ситуация характерна, наконец, для украинских и белорусских говоров с -Ø в 3 л. презенса, в которых это окончание также отсутствует при рефлексивном употреблении глагола (Борковский, Кузнецов 1965: 314–315). Положение перед энклитиками, то есть не на конце просодического слова – это как раз та позиция, в которой отпадение дослав. **-i* в 3 л. наст. вр. глаголов ожидается меньше всего.

К сожалению, ни синтаксические и/или семантические особенности форм с окончанием -Ø, ни особенности форм, содержащих энклитики, не позволяют принять окончательного решения в пользу теории инъюнктива либо теории апокопы. В обоих случаях не исключена поздняя восточнославянская инновация. Известно, что варианты грамматических форм, утерявшие изначальный принцип своего употребления, могут быть вторично перераспределены в системе по новым синтаксическим, семантическим или чисто морфологическим критериям. Это явление, известное в лингвистике под термином «exaptation» (Lass 1990; 1997: 315–324; Gaeta 2016; Norde 2020: 1764), могло – теоретически – привести к тому, что варианты др.-рус. *вереть*, *вероуть* и *вере*, *вероу*, возникнув в дославянскую эпоху благодаря апокопе конечного **-i*, в говорах вторично перераспределились между актуальным и неактуальным презенсом либо между главными и придаточ-

ными предложениями. Ср. многочисленные случаи явно вторичного распределения окончаний *-т* и *-∅* – ед. ч. ~ мн. ч., мн. ч. ~ ед. ч., тематические ~ «полутематические» основы и т. д. – во многих восточнославянских и болгарско-македонских говорах (Аванесов, Бромлей и др. 1965: 161–162; Филин 1972: 438–442; Бромлей, Булатова 1972: 243–246; Miller 1988a; 1988b: 9–16). В той же степени можно предположить, что чередование, мотивированное изначально семантически, постепенно видоизменилось в чисто формальный контраст по признаку употребления глагольной формы с энклитикой или без таковой. Из этого следует, что приведенные выше наблюдения над распределением рефлексов древнерусских вариантов *вереть*, *верууть* и *вере*, *веруу* в письменных памятниках и живых говорах не могут сами по себе опровергнуть ни той, ни другой гипотезы об их происхождении.

Обе теории – теория инъюнктива и теория апокопы – имеют как сильные, так и слабые стороны. Против теории инъюнктива говорит тот хорошо известный факт, что древний инъюнктив славянских тематических и «полутематических» презентных основ несомненно сохранился в виде соответствующих старославянских аористов: ст.-слав. 3 л. ед. ч. *идѣ* ‘шел’, мн. ч. *идѣ* ‘шли’, 3 л. ед. ч. *проси* ‘просил’ и т. д. Аористы этого типа – подробно описанные, к примеру, в (Ackerknecht 2014: 41–60, 174) – однозначно являются формами прошедшего времени. Из теории инъюнктивного происхождения презентных форм 3 л. с окончанием *-∅* следует, что дославянские формы инъюнктива – как например 3 л. ед. ч. **idet*, мн. ч. **idont* – при потере этого наклонения в одном и том же – праславянском – языке оказались одновременно как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Этой – очень серьезной – проблемы не существует для теории апокопы. В рамках этой теории дославянские формы индикатива на **-e-ti*, **-ī-ti* > **-e-t*, **-ī-t* (в ст.-слав., др.-русск. *идѣ* ‘идет’, *проси* ‘просит’) и дославянские формы инъюнктива на **-e-t*, **-ī-t* (в ст.-слав. *идѣ* ‘шел’, *проси* ‘просил’) совпали совершенно случайно, вследствие апокопы. Однако по сей день еще никому не удалось выявить тот фонологический либо просодический контекст, который вызывал гипотетическую апокопу (дослав. **idet* > **idet* > ст.-слав., др.-русск. *идѣ* ‘идет’) или наоборот предотвращал ее (дослав. **idet* > др.-русск. *идѣть* ‘идет’). Предварительному решению этой задачи посвящен следующий раздел работы, последний перед ее общими выводами.

8. Дославянская апокопа конечного *-i

Гипотетическое отпадение конечного *-i в дослав. 3 л. ед. ч. през. **esti*, **bereti*, 3 л. мн. ч. през. **son̄ti*, **beront̄i* и т. д. – не единственный фонетический процесс такого рода в истории славянских языков. Как подробно изложено в работе Villanueva Svensson 2017/2018, очень сходное явление наблюдается в двух других морфологических позициях, ср. табл. 15. В обеих этих позициях утрата конечного *-i наблюдается и в близкородственных восточнобалтийских языках (литовском и латышском, ср. лит. твор. п. ед. ч. *rankà* ‘рукой’, 1 л. ед. ч. *nešù* ‘несу’ и т. д.). Из этого следует, что апокопа конечного *-i, представленная в табл. 15 – то есть в позиции после **Ńm*, – должна быть отнесена к прабалто-славянскому времени.

Таблица 15

a		прабалто-слав.		дослав.		праслав.	прабалт.
	твор. п. ед. ч.	*-i-mi	>	*-imi	>	*-ьть	
		*-u-mi	>	*-umi	>	*-ьть	
*-ā-mi		>	*-ān	>	*-Ń	*-ān	
b		прабалто-слав.		дослав.		праслав.	прабалт.
	1 л. ед.ч. през.	*es-mi	>	*esmi	>	*jesьть	
		*-ō-mi	>	*-ōn	>	*-Ń	*-ōn

Гипотетическая апокопа конечного *-i в дослав. 3 л. ед. ч. през. **esti*, **bereti* и т. д. имеет одно существенное отличие от апокопы в табл. 15. Прабалто-славянская апокопа, представленная в табл. 15, не приводит к чередованиям, но наблюдается во всех без исключения формах твор. п. ед. ч. ā-основ имен и 1 л. ед. ч. наст. вр. тематических и «полутематических» основ глаголов. Из этого следует, что обе апокопы, хотя и очень похожи, не могут быть одним и тем же процессом. Тем не менее, отпадение конечного *-i в дослав. 3 л. ед. ч. през. **esti*, **bereti* и т. д. тоже может восходить к прабалто-славянскому времени. Балтийские соответствия дослав. 3 л. ед. ч. през. **esti*, **bereti* и т. д., как известно, также восходят частью к формам с апокопой конечного *-i, частью без нее: ср. ст.-лит. *ėsti* ‘есть’, *dūosti* ‘дает’, но *nėša* ‘несет’ и т. д. Различие со славянским прежде всего в том, что чередование в балтийском зависит от количества слогов в словоформе, что вполне может быть вторичным явлением.

Таким образом, отпадение конечного *-i в дослав. 3 л. ед. ч. през. **esti*, **bereti* и т. д. является процессом прабалто-славянского времени,

который затронул лишь часть глагольных форм. Это отнюдь не невозможно. Известно, что формы спряжения индоевропейского глагола обладали особенными просодическими свойствами. По свидетельству ранних древнеиндийских текстов, формы глагола в неподчиненном предложении могли как стоять под ударением, так и – чаще – не иметь его (Klein 1992; Hock 2012: 117–118; 2014; Hettrich 2016). На сходную систему указывают, как известно, данные гомеровского греческого, где большинство глагольных форм получило новое (рецессивное) ударение и лишь некоторые императивы сохранили ударение, унаследованное из праиндоевропейского (*iḏḗ* ‘смотри!’ и т. д., см. Rix 1992: 42–43, 199–200, 215; Probert 2006: 87).

Если принять для прабалто-славянского отпадение конечного **-i* первоначально только в безударных словоформах, получится искомое чередование между дослав. **esti*, **bereti* и т. д. с одной и дослав. **est*, **beret* и т. д. с другой стороны¹⁵.

Разумеется, гипотетические фонетические процессы только тогда заслуживают серьезного к себе отношения, когда они, во-первых, могут быть подкреплены дополнительными данными и, во-вторых, никакими известными данными не опровергаются. Подтверждением могут быть данные из других частей грамматической системы или лексикона, свидетельствующие о том, что гипотетический процесс состоялся – при тех же условиях – и в этих других частях грамматики и/или других лексемах. В случае данных, противоречащих гипотетически принятому фонетическому процессу, решающее значение имеет возможность или невозможность их убедительного объяснения в рамках проверяемой гипотезы. В случае гипотетической апокопы конечного **-i* в прабалто-славянских безударных словоформах оба условия, как кажется, выполняются.

Необходимое подтверждение мы находим в славянских рефлексах, уже обсуждавшихся в 5-м разделе праиндоевропейских локальных частиц (ср. Villanueva Svensson 2017/2018: 295–299). Как известно, каждая из таких частиц имела с древнейших времен как ударенный, так и безударный вариант. Очевидно, что в праславянском безудар-

¹⁵ Этот древний просодический контраст нужно, разумеется, отличать от хорошо известной праславянской оппозиции между ударенными формами имени и глагола и фонологически безударными формами-энклименами. Находятся ли эти явления, принадлежащие к двум разным хронологическим уровням, в связи друг с другом, остается неясным. Возможность выведения не праславянской системы из древнеиндийской, а наоборот, древнеиндийской из системы, близкой к праславянской, подробно рассматривается в (Николаев, Старостин 1982; Николаев 2015).

ные варианты локальных частиц вторично переняли обе функции: как функцию глагольных префиксов, так и функцию предлогов. Известно, что например ст.-слав. $\text{o}=\text{, oк}=\text{'у, о'}$ и $\text{oт}=\text{'от'}$, по всей вероятности, этимологически соответствуют древнеиндийским локальным частицам *abhi* 'прямо, в определенном направлении' и *āti* 'через, насквозь' (Dunkel 2014: II, 94, 350–351). Бросается в глаза, что в славянском мы не находим в этих древних лексемах рефлекса конечного $*-i$ ¹⁶.

То, что дело тут в поздней потере этого $*-i$, особенно ясно следует из ст.-слав. $\text{o}=\text{, oк}=\text{'по обе стороны, вокруг'}$ в таких случаях как ст.-слав. $\text{oк}=\text{ати}$ 'объять', $\text{o}=\text{копати}$ 'окопать' и т. д. Этот глагольный префикс – возможно, лишь случайно совпавший с вышеупомянутым ст.-слав. $\text{o}=\text{, oк}=\text{'у, о'}$ – очевидно относится к формациям с и.-е. $*-b^hi$. А именно, ст.-слав. $\text{o}=\text{, oк}=\text{'по обе стороны, вокруг'}$ находится в том же отношении к старославянскому местоимению м. р. oка , ж., ср. р. oвк' 'оба, обе', как например гр. $\text{ἀμφί}=\text{'с обеих сторон, вокруг'}$ к местоимению гр. ἀμφω , лат. м., ср. р. *ambō*, ж. р. *ambae* 'оба, обе'. Та же словообразовательная модель представлена также в др.-инд. м. р. *ubhā*, ж., ср. р. *ubhé* 'оба, обе', а кроме того в гот. м. р. *bai*, ср. р. *ba* 'оба', рядом с которым снова *bi*= 'вокруг, около' (см. Maunhofer 1992: 224). Из этого следует, что и ст.-слав. $\text{o}=\text{, oк}=\text{'по обе стороны, вокруг'}$ восходит к форме, некогда содержавшей $*-i$.

Данные, противоречащие гипотетическому отпадению конечного $*-i$ в прабалтославянских безударных словоформах, принадлежат к двум различным морфологическим категориям. Из них проще объясняется форма 2 л. повелительного наклонения славянских атематических глаголов типа ст.-слав. ѣждь 'ешь!' (ср. окончания др.-инд. *-dhi*, *-hi* и гр. $-\theta\iota$ в той же самой морфологической позиции). Формы повелительного наклонения часто образуют предложения из одного слова, в которых императив – единственное слово предложения – естественно несет ударение. По этой причине, как уже отмечалось выше, императивы типа *idé* 'смотри!' – единственная категория древнегреческого спряжения (кроме, конечно, именных форм, т. е. причастий и инфинитивов), сохранившая праиндоевропейское ударение.

Можно предположить, что славянские формы повелительного наклонения атематических презентных основ не приняли участия в

¹⁶ Г. Дункель (Dunkel 2014: I, 105–106) предполагает фонетическое развитие и.-е. $*-i >$ праслав. $*-ъ$, происходившее, однако, только в предлогах и глагольных префиксах. Это решение непривлекательно по двум причинам: во-первых, оно *ad hoc*, во-вторых, не дает объяснения вариантам, совсем не содержащим гласного, то есть ст.-слав. oт , из и т. д.

апокопе конечного *-i по той же причине, т. е. из-за того, что не были безударны.

Вторая категория из подлежащих рассмотрению в данном контексте – 1 л. ед. ч. настоящего времени атематических глагольных основ, т. е. ст.-слав. *юсмь* и т. д. (ср. др.-инд. *ásmi*, гр. εἶμι). То же окончание имеют в славянском, как известно, 1 л. ед. ч. императива (исторически оптатива): ст.-слав. *вѣрѣмь* (ср. гр. 1 л. ед. ч. опт. *φέρομι*) и, наконец, также и 1 л. ед. ч. *вимь* глагола-связки в старославянском кондиционалисе¹⁷. Конечно, ст.-слав. *юсмь* может восходить к ударенному варианту праиндоевропейской словоформы, но где же рефлекс безударного варианта?

В результате действия закона открытого слога этот безударный вариант должен был бы выглядеть как **je*, то есть так же, как и форма 3 л. ед. ч. с окончанием -Ø. Легко представить себе, что это неудобное фонетическое совпадение привело к исчезновению 1 л. ед. ч. **je* из праславянского спряжения. Подобное же совпадение со 2 и 3 л. ед. ч. ожидается в славянском императиве, который – как известно – восходит к праиндоевропейскому оптативу. В императиве безударный вариант ст.-слав. *вѣрѣмь* должен был бы произноситься, по-видимому, **вѣри*. Не исключено, что эта форма сохранилась в славянских языках по сей день. Ср. русск. *приди* и т. д. в предложениях типа *Приди я* (= *ты, он*) *вовремя...* Особенная неспрягаемая форма *приди*, единая для всех лиц в обоих числах, теоретически могла возникнуть вследствие совпадения 1 л. ед. ч. *приди* (< и.-е. *-oi-m) со 2 л. ед. ч. (< и.-е. *-oi-s) и 3 л. ед. ч. (< и.-е. *-oi-t)¹⁸.

¹⁷ 1 л. ед. ч. тематического императива на ст.-слав. -ѣмь встречается в источниках всего несколько раз и везде оканчивается на <-ѣмь> (не вѣдѣмь, отъпадѣмь и т. д., см. подробно Vaillant 1948: 218). Более частотное 1 л. ед. ч. ст.-слав. *вимь* в кондиционалисе (см. Vaillant 1948: 241; Aitzetmüller 1977: 27), несомненно также восходящее к индоевропейскому оптативу, указывает на -мь как более вероятное окончание в 1 л. ед. ч. обеих категорий. См. van Wijk 1931: 113–114 о частом смешении -мь и -мъ уже в канонических старославянских памятниках.

¹⁸ Еще одна категория, потенциально подлежащая рассмотрению в данном контексте, это 2 л. ед. ч. индикатива настоящего времени. Как показано в работе Hill, Fries 2020: 269–277, соответствующие славянские (ст.-слав. *юси*, *вѣрши*) и балтийские (лит. *esi*, *neši*) словоформы восходят к праиндоевропейским формам 2 л. ед. ч. презенса (ср. др.-инд. *ási*, *bhārasī*), расширенным в прабалто-славянский период энклитической частицей. Произношение славянских форм предполагает ударенные прабалто-слав. **esi*, **beresi*, как и атематическое 2 л. ед. ч. презенса в балтийском (лит. *esi*). Балтийское тематическое окончание 2 л. ед. ч. презенса (лит. *neši*) предполагает, напротив, безударное произношение глагольной формы, в которой,

Из сказанного следует, что гипотетическое отпадение конечного **-i* в безударных вариантах прабалто-слав. **esti*, **bereti* и т. д. находит подтверждение в области предлогов и глагольных префиксов. Данные, на первый взгляд противоречащие такой апокопе, оказываются, напротив, легко объяснимы.

9. Заключение и перспективы

Известное чередование типа др.-рус. *юстьъ*, *вѣретьъ* ~ ст.-слав. *юстьъ*, *вѣретьъ* ~ др.-рус., ст.-слав. *ю*, *вѣрѣ*, затрагивающее все морфологические классы славянского глагола в 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени, восходит к праславянскому языку-основе. Это чередование может быть объяснено с помощью следующих двух гипотез. Во-первых, формы с окончанием *-∅* (др.-рус., ст.-слав. *ю*, *вѣрѣ*) и формы с окончанием *-тъ* (ст.-слав. *юстьъ*, *вѣретьъ*) восходят к одним и тем же дославянским словоформам. Разница между ними связана с употреблением известной праиндоевропейской частицы **=u* (> др.-инд., гот. *=u*). Во-вторых, существование таких форм 3 л. ед. ч. настоящего времени с др.-рус. *юстьъ*, *вѣретьъ* предполагает отпадение конечного **-i* в безударных словоформах в прабалто-славянский период.

Сильная сторона предложенной гипотезы заключается прежде всего в том, что кроме 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени глаголов она объясняет еще две загадочные особенности славянской грамматики. Это, во-первых, исторически неожиданное чередование типа ст.-слав. *отъ* ~ *отъъ*, *изъ* ~ *изъъ* в предлогах и глагольных префиксах. Во-вторых, чередование типа ст.-слав. *ѡ* ~ *ѡтъ*, *да* ~ *дасть* в 3 л. ед. ч. односложных аористов.

Тем не менее, предложенная читателю гипотеза имеет и импликации, не находящие подтверждения в материале. Объяснение чередований в названных морфологических позициях с помощью праиндоевропейской частицы *и.-е. * =u* заставляет ожидать аналогичных чередований и в ряде других морфологических позиций. К таким позициям относятся 1 и 2 л. ед. и мн. ч. всех славянских презенсов и аористов, а также все три лица двойственного числа. По какой причине ожидаемая вариация в этих позициях не отмечается, остается неясным. Несколько удивляет та последовательность, с которой дву-

тем не менее, рефлекс конечного **-i* должен был сохраниться. Можно однако предположить, что гипотетическое стяжение форм 2 л. ед. ч. презенса с энклитической частицей в одно слово произошло хронологически раньше, чем предполагаемая апокопа конечного **-i* в безударных словоформах.

ные Ø-варианты 3 л. ед. и мн. ч. тематических и «полутематических» презенсов должны были выравниваться по своим трехсложным коррелятам в западно- и южнославянских языках. Неожиданным является, наконец, отсутствие ясных рефлексов частицы и.-е. **=и* в наиболее близких славянскому балтийских языках. На некоторые дополнительные трудности и несоответствия между теорией и языковым материалом (как, например, загадочное различие между *ѣтъ* и *дасть* в 3 л. ед. ч. древнерусских аористов) уже было указано выше в соответствующих местах текста. Остается надеяться, что и эти проблемы со временем найдут свое решение.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, Бромлей и др. 1965 – *Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей и др.* Русская диалектология. М., 1965.
- Борковский, Кузнецов 1965 – *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, доп. М., 1965.
- Бромлей, Булатова 1972 – *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Дыбо 1981 – *В. А. Дыбо.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 – *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Жолобов 2016а – *О. Ф. Жолобов.* Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016.
- Жолобов 2016б – *О. Ф. Жолобов.* Заметки о словоформе е ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne = Словѣне*. Vol. 5. № 1. 2016. С. 114–125.
- Жолобов 2018 – *О. Ф. Жолобов.* Праславянское наследие и древнерусские претериты // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 145–170.
- Зализняк 2004 – *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2008 – *А. А. Зализняк.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Крысько 1998 – *В. Б. Крысько.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
- Николаев 2015 – *С. Л. Николаев.* К реконструкции акцентуационно-морфонологических классов индоевропейских глагольных корней // *Studies in accentology and Slavic linguistics in honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington; Indiana, 2015. P. 169–208.

- Николаев, Старостин 1982 – С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 261–343.
- Обнорский 1953 – С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Пичхадзе 2011 – А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Рыко 2000 – А. И. Рыко. Семантическое распределение окончаний 3-го лица презенса в северо-западных русских говорах // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. М., 2000. С. 114–133.
- Топоров 1961 – В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 35–70.
- Филин 1972 – Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград, 1972.
- Фортунатов 1908 – Ф. Ф. Фортунатов. Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XIII. Кн. 2. СПб., 1908. С. 1–44.
- Шахматов 1903 – А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- Ackermann 2014 – K. Ackermann. Die Vorgeschichte des slavischen Aoristsystems mit der kommentierten Belegsammlung der Aoristformen und Formen des präteritalen passiven Partizipiums im Altkirchenslavischen. Leiden; Boston, 2014.
- Aitzetmüller 1977 – R. Aitzetmüller. Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen. Würzburg, 1977.
- Aitzetmüller 1991 – R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. 2., verbesserte Auflage. Freiburg i. Br., 1991.
- Arumaa 1985 – P. Arumaa. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Bd. III: Formenlehre. Heidelberg, 1985.
- Bjørnflaten 2003 – J. I. Bjørnflaten. Bemerkungen zur Ausbreitung und Chronologie der Nullendung der 3. Pers Präs. in den russischen Mundarten // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. München, 2003. S. 48–56.
- Cowgill 1985 – W. Cowgill. The personal endings of thematic verbs in Indo-European // Grammatische Kategorien, Funktion und Geschichte. Wiesbaden, 1985. S. 99–108.
- Dunkel 2014 – G. Dunkel. Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Bd. I: Einleitung, Terminologie, Lautgesetze, Adverbialendungen, Nominalsuffixe, Anhänge und Indices. Bd. II: Lexikon. Heidelberg, 2014.
- Fecht 2010 – R. Fecht. Neoakut in der slavischen Wortbildung: Der *volja*-Typ. Dettelbach, 2010.
- Forssman 1981 – B. Forssman. Der Auslaut von altkirchenslavisch *jestŭ*, *sptŭ* // Colloquium Slavicum Basiliense. Gedenkschrift für Hildegard Schroeder. Bern, 1981. S. 145–151.
- Gaeta 2016 – L. Gaeta. Co-opting exaptation in a theory of language change // Exaptation and language change. Amsterdam, 2016. P. 57–92.
- Garde 1976 – P. Garde. Histoire de l'accentuation slave. T. I. Paris, 1976.

- Gorbachov 2017 – *Y. Gorbachov*. The Proto-Slavic genitive-locative dual. A reappraisal of (South-)West Slavic and Indo-European evidence // *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 25. No. 1. 2017. P. 63–94.
- Greenberg 2000 – *M. L. Greenberg*. A historical phonology of the Slovene language. Heidelberg, 2000.
- Hettrich 2016 – *H. Hettrich*. Zur Verbalbetonung im Ṛgveda // *Sahasram Ati Srajas*. Indo-Iranian and Indo-European studies in honor of Stephanie W. Jamison. Ann Arbor, 2016. P. 114–119.
- Hill, Fries 2020 – *E. Hill, S. Fries*. On personal endings of thematic verbs in Proto-Indo-European // *Vācāṃsi miśrā kṛnavāmahai*. Proceedings of the International Conference of the Society for Indo-European Studies and IWoBA XII, Ljubljana 4–7 June 2019. Hamburg: Baar, 2020. P. 255–283.
- Hill, Kölligan, Scheungraber, Frotscher 2019 – *E. Hill, D. Kölligan, C. Scheungraber, M. Frotscher*. The development of prefixation in time and space. Ditropic clitics and prosodic realignment in dialects of Indo-European // *Transactions of the Philological Society*. Vol. 117. No 2. 2019. P. 157–198.
- Hock 2007 – *H. H. Hock*. Morphology and *i*-apocope in Slavic and Baltic // *Proceedings of the 18th Annual UCLA Indo-European Conference*. Washington; DC, 2007. P. 65–76.
- Hock 2012 – *H. H. Hock*. Phrasal prosody and the Indo-European verb // *The Indo-European verb*. Proceedings of the Conference of the Society of Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010. Wiesbaden, 2012. P. 115–126.
- Hock 2014 – *H. H. Hock*. Vedic verb accent revisited // *Vedic and Sanskrit historical linguistics*. Delhi, 2014. P. 153–178.
- Holzer 2005 – *G. Holzer*. Zur relativen Datierung prosodischer Prozesse im Gemeinslavischen und frühen Kroatischen // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 51. 2005. S. 31–71.
- Holzer 2007 – *G. Holzer*. Historische Grammatik des Kroatischen. Einleitung und Lautgeschichte der Standardsprache. Frankfurt am Main; Berlin, 2007.
- Holzer 2009 – *G. Holzer*. Urslavische Prosodie // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 55. 2009. S. 151–178.
- Igartua 2005 – *I. Igartua*. Origen y evolución de la flexión nominal eslava. Bilbao, 2005.
- Kapović 2005a – *M. Kapović*. The development of Proto-Slavic quantity (from Proto-Slavic to modern Slavic languages) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 51. 2005. S. 73–111.
- Kapović 2005b – *M. Kapović*. Nove duljine u hrvatskom jeziku (nakon općeslavenskoga razdoblja) // *Filologija*. Vol. 44. 2005. S. 51–62.
- Kapović 2007 – *M. Kapović*. The *vôl'ā*-type accent in Slavic // *Tones and theories*. Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology, Zagreb 1–3 July 2005. Zagreb, 2007. S. 89–104.
- Kapović 2010 – *M. Kapović*. Naglasak *o*-osnova muškoga roda u hrvatskom – povijesni razvoj // *Filologija*. Vol. 54. 2010. P. 51–109.
- Kapović 2015 – *M. Kapović*. Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Kapović 2017 – *M. Kapović*. On shortening, lengthening, and accent shifts in Slavic // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Vol. 43. No. 2. 2017. S. 381–402.
- Kapović 2018 – *M. Kapović*. Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire) // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Vol. 44. No. 1. 2018. S. 159–285.

- Kapović 2019 – *M. Kapović*. Shortening, lengthening, and reconstruction: notes on historical Slavic accentology // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Vol. 45. No. 1. 2019. S. 75–133.
- Kapović 2020 – *M. Kapović*. The genitive plural ending in Proto-Indo-European and Slavic // *Vácāṃsi miśrā kṛnavāmahai*. Proceedings of the International Conference of the Society for Indo-European Studies and IWoBA XII, Ljubljana 4–7 June 2019. Hamburg: Baar, 2020. P. 321–345.
- Kapović 2022 – *M. Kapović*. On the reflection of unaccented length and the short neo-acute in Slavic, the *kōkōt*-type lengthening in Štokavian/Čakavian and other issues // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Vol. 48. No. 1. 2022. S. 65–104.
- Kiparsky 1967 – *V. Kiparsky*. *Russische historische Grammatik*. Band II. Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967.
- Klein 1978a – *J. S. Klein*. The diachronic syntax of the particle *u* in the Rigveda // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 98. No 3. 1978. P. 265–276.
- Klein 1978b – *J. S. Klein*. The particle *u* in the Rigveda. A synchronic and diachronic study. Göttingen, 1978.
- Klein 1992 – *J. S. Klein*. On verbal accentuation in the Rigveda. New Haven, 1992.
- Kortlandt 2009 – *F. Kortlandt*. *Baltica & Balto-Slavica*. Amsterdam; New York, 2009.
- Lass 1990 – *R. Lass*. How to do things with junk: exaptation in language evolution // *Journal of Linguistics*. Vol. 26. 1990. P. 79–102.
- Lass 1997 – *R. Lass*. *Historical linguistics and language change*. Cambridge, 1997.
- Mayrhofer 1992 – *M. Mayrhofer*. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Band. Heidelberg, 1992.
- Mažiulis 2013 – *V. Mažiulis*. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Vilnius, 2013.
- Miller 2019 – *D. G. Miller*. *The Oxford Gothic grammar*. Oxford, 2019.
- Miller 1988a – *R. H. Miller*. The Slavonic third-person singular and Byelorussian historical dialectology: some tentative observations // *The Journal of Belarussian Studies*. Vol. 6. No. 1. P. 39–49.
- Miller 1988b – *R. H. Miller*. The third person present tense and Common Slavic dialectology // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 37. 1988. P. 7–33.
- Norde 2020 – *M. Norde*. *Grammaticalization in morphology* // *The Oxford encyclopedia of morphology*. Oxford, 2020. P. 1751–1771.
- Olander 2015 – *Th. Olander*. *Proto-Slavic inflectional morphology. A comparative handbook*. Leiden; Boston, 2015.
- Probert 2006 – *Ph. Probert*. *Ancient Greek Accentuation. Synchronic patterns, frequency effects, and prehistory*. Oxford, 2006.
- Pronk 2009 – *T. Pronk*. *The Slovene dialect of Egg and Pötschach in the Gailtal, Austria*. Amsterdam; New York, 2009.
- Pronk 2021 – *T. Pronk*. The early history of western South Slavic // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 77. H. 1. 2021. S. 1–32.
- Reinöhl, Casaretto 2018 – *U. Reinöhl, A. Casaretto*. When grammaticalization does NOT occur. Prosody-syntax mismatches in Indo-Aryan // *Diachronica*. Vol. 35. No 2. 2018. P. 238–276.
- Rinkevičius 2017 – *V. Rinkevičius*. *Altpreußisch. Geschichte – Dialekte – Grammatik*. Übersetzt von Harald Bichlmeier & Silke Brohm. Hamburg, 2017.

- Rix 1992 – *H. Rix*. Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. 2., korrigierte Auflage. Darmstadt, 1992.
- Shevelov 1964 – *G. Y. Shevelov*. A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.
- Shevelov 1979 – *G. Y. Shevelov*. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.
- Stang 1942 – *Ch. S. Stang*. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stang 1952 – *Ch. S. Stang*. Eine Bemerkung zur slowakischen Präsensflexion // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Vol. 16. 1952. P. 271–275.
- Stang 1957 – *Ch. S. Stang*. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Streitberg 1919 – *W. Streitberg*. Die gotische Bibel. Heidelberg, 1919.
- Trávníček 1922 – *Fr. Trávníček*. Ke kvantitě některých koncovek v češtině // Listy filologické. Roč. 49, č. 2/3. 1922. S. 101–110.
- Vaillant 1948 – *A. Vaillant*. Manuel du vieux slave. Tome I. Grammaire. Paris, 1948.
- Vaillant 1966 – *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. Tome III. Le verbe. Paris, 1966.
- Vermeer 1984 – *W. R. Vermeer*. On clarifying some points of Slavonic accentology: the quantity of the thematic vowel in the present tense and related issues // Folia Linguistica Historica. Vol. 5. Issue 2. 1984. P. 331–395.
- Villanueva Svensson 2017/2018 – *M. Villanueva Svensson*. The conditioning of the Balto-Slavic *i*-apocope // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Bd. 71. Nr 2. 2017/2018. S. 277–304.
- Vlasto 1988 – *A. P. Vlasto*. A linguistic history of Russia to the end of the eighteenth century. Oxford, 1988.
- Vondrák 1928 – *W. Vondrák*. Vergleichende slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax. Zweite Auflage nebearbeitet von O. Grünenthal. Göttingen, 1928.
- van Wijk 1926 – *N. van Wijk*. Die slavischen Partizipia auf *-to-* und die Aoristformen auf *-tъ* // Indogermanische Forschungen. Bd 43. 1926. S. 281–289.
- van Wijk 1931 – *N. van Wijk*. Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Erster Band. Laut- und Formenlehre. Berlin; Leipzig, 1931.

Eugen Hill

University of Cologne, Germany

Present tense 3rd singular and plural in Slavonic

The paper deals with the hitherto unexplained variation in the 3sg. and pl. of Slavonic present tense verbs, i.e. OCS sg. *bere-tъ*, pl. *berę-tъ* ~ sg. *bere-∅*, pl. *berę-∅* etc. It is known that a similar variation is also found, firstly, in several preverbs and prepositions, such as OCS *izъ=* ~ *iz=* etc., secondly, in the 3sg. of aorists, such as OCS *ję-tъ* ~ *ję* etc. The paper argues that all three instances of this historically unexpected variation can be explained by reference to the PIE sentence particle **=u* which is preserved as *=u* in Vedic Sanskrit and Gothic.